

Пилатова Валентина Николаевна

БЫТИЙНОЕ И БЫТОВОЕ В ЯЗЫКЕ

Статья посвящена проблеме интуитивной дифференциации бытийного и бытового содержания в речи. Описаны формальные признаки различия бытийного и бытового в языке - отношение ко времени и пространству, параметр универсальности, принцип трансцендентности. Делается вывод о том, что бытийное представляет собой открытую сакральную мыслительную абстракцию, а бытовое - закрытую профанную мыслительную абстракцию. Обосновывается правомочность выделения данных речевых единиц на основе когнитивных признаков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-1/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 1. С. 131-133. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. **Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2002. 288 с.
9. **Красных В. В.** Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
10. **Курьянович А. В.** Коммуникативно-прагматический анализ как методологическая база судебной лингвистической экспертизы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5: в 2-х ч. Ч. 1. С. 120-122.
11. **Панькина Ю. А.** О прагматической адаптации ремарки при межъязыковом переводе драматического произведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9: в 2-х ч. Ч. 1. С. 136-139.
12. **Приб В. Э.** Фауст [Электронный ресурс]: перевод первой части трагедии Иоганна Вольфганга фон Гёте. Берлин, 2012 (2014). URL: <http://www.literatur-viktor-prieb.de/Faust-Uebersetzung-Original.html> (дата обращения: 25.08.2016).
13. **Руженцева Н. Б.** Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе: монография. Екатеринбург, 2004. 294 с.
14. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1966. 228 с.
15. **Шекспир В.** Гамлет, принц датский [Электронный ресурс] / пер. Б. Пастернак. URL: http://www.theatre-library.ru/files/sh/shakespeare/shakespeare_20.html (дата обращения: 22.11.2016).
16. **Faust: Der Tragödie erster Teil by Johann Wolfgang von Goethe** [Электронный ресурс] // The Project Gutenberg. 2001. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2229> (дата обращения: 22.11.2016).
17. **Shakespeare W.** A Midsummer-Night's Dream [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opensourceshakespeare.org/views/plays/playmenu.php?WorkID=midsummer> (дата обращения: 24.11.2016).

ON SPEECH TACTICS OF THE IMAGE UNMASKING IN DRAMATIC WORKS TRANSLATION

Pan'kina Yuliya Anatol'evna
Lomonosov Moscow State University
juliana_100@mail.ru

This article proves the relevancy of considering speech tactics of exposing (unmasking) the image within the framework of the cognitive strategy of the target addressee's consciousness submission to the author's intention as an effective communicative and pragmatic tool in the translation of dramatic works in terms of intercultural communication. The conducted comparative study allows singling out the concept of this speech tactics in terms of the science of translation and revealing the speech tactics specificity in relation to standard methods of cultural adaptation in literary translation.

Key words and phrases: cognitive strategy; verbal tactics; exposing (unmasking); drama; translation; comparative study; intertextuality.

УДК 81-22

Статья посвящена проблеме интуитивной дифференциации бытийного и бытового содержания в речи. Описаны формальные признаки различения бытийного и бытового в языке – отношение ко времени и пространству, параметр универсальности, принцип трансцендентности. Делается вывод о том, что бытийное представляет собой открытую сакральную мыслительную абстракцию, а бытовое – закрытую профанную мыслительную абстракцию. Обосновывается правомочность выделения данных речевых единиц на основе когнитивных признаков.

Ключевые слова и фразы: бытийное в языке; бытовое в языке; ментальная составляющая языкового выражения; замкнутая профанная абстракция; экспликация сакрального содержания.

Пилатова Валентина Николаевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
pilatova_vn@mail.ru

БЫТИЙНОЕ И БЫТОВОЕ В ЯЗЫКЕ

Цель работы – доказать, что бытийная и бытовая стороны жизни людей находят отражение в ментальной составляющей языкового выражения. Ментальная составляющая языкового выражения имеет отношение не к фактообразующей информации, а к концептам, порождающим дискурс слушателя [2, с. 6]. Под концептами понимаются субъективные представления, понятия, идеи отдельного человека или референтной группы людей.

Под бытийной стороной жизни мы имеем в виду стремление личности выйти за рамки обыденной реальности, привычного существования, осознаваемой действительности. Преодолевая границы собственного *ego*, человек оказывается способным понять независимые от него процессы и явления мироздания. Тем самым он получает возможность скорректировать свой выбор. Поднимаясь на более высокий уровень созерцания, человек обогащается ментально и духовно [4, с. 55].

Бытовая сторона жизни непосредственно связана с воспроизводством самого человека, материальной и культурной средой, в которой происходит удовлетворение его потребностей. Каждодневные дела формируют

ритмические циклы. На быт накладывает отпечаток окружение – семья и знакомые, являющиеся носителями определённых традиций и нравов. Всё это формирует образ жизни человека [Там же].

О. Н. Александрова-Осокина считает, что целостность жизнедеятельности людей заключается в соединении бытового и бытийного, историко-социального и Божественного. Данное сочетание образует хронотоп – пространственно-временные связи мышления человека. Вечные ценности культурных творений прошлого нередко оказывают влияние на ментальность современных людей. Сегодняшние поступки отчасти формируют наше будущее. Хронотоп – преломлённые через призму времени духовные ценности – во многом определяет жанровые особенности текста [1, с. 10].

Анализируя художественные произведения, мы обратили внимание на то, что рутинное изложение повседневных дел персонажей рано или поздно сменяется глубокомысленным авторским замечанием. Описание быта занимает гораздо большее пространство и время, чем экспликация бытийности. Однако надолго задерживает внимание читателя именно бытийное содержание, поскольку оно всегда является средой обитания мысли. Такая пропорция кажется нам неслучайной: сакральное достойно неторопливого осмысления происходящего на больших пространствах профанного повествования.

Чаще всего герои произведений ощущают себя либо субъектами обстоятельств, либо активными действующими лицами. Они знают, что хотят и как лучше. Таким людям комфортно не признавать существование абсолютных, но неудобных для них истин. В противном случае они теряют самоуверенность. Самоуверенные узники быта верят в относительный характер явлений, а констатация наличия безотносительных сакральных вещей нарушает их покой [7, р. 203]. Стопроцентно разумный человек представляет собой замкнутую профанную абстракцию и не связан с подлинным миром, считает М. Элиаде. Подлинный мир не вмещается в рамки рационального восприятия отдельного человека, который изолировал себя границами собственных представлений [Ibidem, р. 209].

Прозрение – результат действия бессознательного – наступает в критической экзистенциальной ситуации, когда ментальное пребывание в рамках привычной парадигмы становится невозможным. Экзистенциальные вопросы встают перед человеком реже, чем рутинные проблемы, но они дают ему шанс обрести свободу, выйдя за рамки неустойчивых старых представлений и приблизившись к постижению истины. Абсолютные законы мира, становясь для него отчасти открытыми, предоставляют иррациональное решение жизненных задач на данном этапе [Ibidem, р. 210].

Бытийное содержание от бытового интуитивно отличает даже неискушённый читатель. Следовательно, в языке существуют дискретные признаки их различия. Каковы же эти признаки? Рассмотрим несколько текстовых фрагментов, описывающих бытовую и бытийную стороны одного и того же события.

Одна из главных событийных линий анализируемого нами романа строится вокруг эпизода грабежа и насилия, которому подверглась белокожая жительница ЮАР Люси, дочь университетского профессора Дэвида. Преступление совершили местные чернокожие жители, которых пострадавшие достаточно быстро вычисляют. Дэвид действует вполне предсказуемо, как и принято в подобной ситуации. Он настойчиво призывает дочь воспользоваться традиционными, законными способами защиты:

Let me call the police [6, р. 137]. / *Давай я вызову полицию (здесь и далее перевод автора статьи – В. П.).*

На протяжении многих страниц Дэвид ведёт речь о правах, страховке, возможности раскрыть преступление, вероятных свидетелях, медицинской помощи, способах восстановления утраченного хозяйства и прочих тривиальных сторонах трагического события. Дочери всё это кажется неважным. Люси отстраняется от светлых действий и слов, осознавая тщетность попытки объясниться с отцом. Исчерпав всю аргументацию, Дэвид вдруг открывает для себя, что мотив поведения дочери в данной ситуации следует искать на другом ментальном уровне:

Do you hope you can expiate the crimes of the past by suffering in the present [Ibidem, р. 113]? / *Ты надеешься страданиями в настоящем искупить грехи прошлого?*

Дальнейший мыслительный вектор направлен на экспликацию данного вопроса. Читатель вспоминает историю появления европейцев на территории Южной Африки, которое сопровождалось притеснениями местного населения. Возникает мысль о существовании справедливого возмездия, которой пронизана вся мировая культура, а также идея жертвоприношения, в том числе в форме невинной жертвы, нашедшая яркое отражение в христианском духовном наследии. Не ограниченный пространственно-временными параметрами данного романа, дискурс читателя далеко выходит за рамки сюжета и прирастает ассоциациями с другими подобными знаменательными событиями в истории, личной жизни, произведениях культуры.

Дэвид начинает понимать, что от прошлого его страны, к которому современное белое население не имеет прямого отношения, они с дочерью не свободны. Это прошлое отягощено жаждой мести. В каком бы направлении ни развивался ход мыслей, ситуация обрастает сакральным содержанием, которое строится вокруг концепта справедливости, лежащего в основе вышеприведённого вопроса.

Следующий пример дифференциации бытийного и бытового в языке взят нами из романа З. Прилепина «Обитель». Главный герой Артём Горяинов, отбывающий тюремный срок на Соловках за убийство отца, вначале вспоминает о содеянном таким образом:

Мы с матерью... и с братом... вернулись домой... С дачи. Брат заболел, и мы приехали в середине августа, неожиданно... Я вошёл первый, а отец был с женщиной. Он был голый... Началась ругань... крики, сутолока... отец был пьяный и схватил нож, брат визжит, мать полезла душисть эту бабу, баба тоже бросилась на неё, я на отца, отец на баб... и в этой сутолоке [3, с. 461-462]...

В своём рассказе Артём эмоционально, но достаточно последовательно излагает обстоятельства приведшего к трагедии проступка, сожалея о случившемся. Не выходя за рамки личного опыта, он мысленно пребывает в рамках замкнутой профанной абстракции. Монолог представляет собой описание бытовой стороны фатального конфликта.

В конце романа размышление Артёма о том же самом событии восходит на более высокий уровень сознания и, соответственно, обретает иную форму:

Бог отец. А я отца убил. Нет мне теперь никакого Бога... Я сам спихнул со своей дороги отца и вот вышел – и где тот, кто меня встретит [Там же, с. 665]?

В последних словах Артёма читается святая истина покаяния блудного сына, не отягощённая описанием обстоятельства и не ограниченная временными рамками. Данный текст безотносительный и трансцендентный, так как он легко накладывается на другие подобные сюжеты, выходя за собственные пределы. Герой открывает для себя универсальный, всеобщий закон бытия.

Обратимся к небольшому эпизоду из романа П. Битти, в котором молодую пару грубо выдворяют из ночного клуба за раздражающий громкий смех и слишком фривольное поведение:

No more laughter. Only pleading, unanswered looks for assistance, then the soft scrape of two chairs being backed, quietly as possible, away from the table. The blast of cold December air and the sounds of the street [5, p. 287]. / Смеха больше не было слышно. Лишь молящие о помощи, безответные взгляды, потом слабый скрип двух стульев, как можно тихо отодвинутых от стола. Веяние холодного декабрьского воздуха и звуки улицы.

Бытовое описание унижительной молчаливой сцены бегства случайных посетителей сменяется бытийным дискурсом рассказчика:

Silence can be either protest or consent, but most times it's fear. I guess that's why I'm so quiet [Ibidem]... / Молчание – обычно или протест, или согласие, но в большинстве случаев – страх. Наверное, поэтому я так молчалив...

Свидетель сцены, абстрагируясь от деталей инцидента, пронзительно вглядывается в самую суть жалкого положения пребывающего в опасности человека. От страха мы молчим, не стяжав смелость и надежду. Данное обстоятельство универсально, оно касается всех, в том числе и автора слов. Отметим, что бытийное, как правило, пребывает в составе внутреннего монолога или откровенной беседы доверяющих друг другу людей.

Сравнивая бытовое и бытийное в языковом выражении, можно отметить, что изучаемые единицы имеют одинаковое лексико-грамматическое, стилистическое и коммуникативное наполнение. И те и другие могут включать в свой состав любые слова и структуры, иметь нейтральное или яркое выражение, выполнять одинаковые коммуникативные функции, раскрывать одну и ту же тему.

Бытийное в языке отличается от бытового по когнитивному признаку. Оно обладает глубинной семантической структурой, позволяющей слушателю сделать обобщение, понять абстрактную структуру текста. Бытийное содержание обладает порождающим свойством: на него можно наложить бесчисленное множество бытовых описаний. Это своеобразный смысловой код, который, несмотря на возможную многовариантную текстовую реализацию, будет расшифрован одинаково.

Приходим к заключению: бытовое в языке представляет собой речевую переменную, которая обладает заданными пространственными и временными параметрами, конкретным значением и контекстной обусловленностью; бытийное в языке является константой, внепространственной и вневременной, безотносительной и трансцендентной.

Список литературы

1. **Александрова-Осокина О. Н.** «Священный хронотоп» в паломнической прозе (Яффа глазами русских богомольцев XIX в.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 10-14.
2. **Алефиренко Н. Ф.** Дискурс в системе лингвокультурологии // Живое действующая связь языка и культуры: материалы Международной научной конференции, посвящённой юбилею В. Н. Телии: в 2-х т. / под ред. М. Л. Ковшовой, Г. В. Токарева. М. – Тула, 2010. Т. 2. С. 5-10.
3. **Прилепин З.** Обитель. М.: АСТ, 2015. 746 с.
4. **Философский словарь** / под ред. И. Т. Фролова. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1987. 590 с.
5. **Beatty P.** The Sellout. L.: Oneworld, 2016. 291 p.
6. **Coetzee J. M.** Disgrace. L.: Vintage, 1999. 220 p.
7. **Eliade M.** The Sacred and the Profane. N. Y.: Harcourt, 1987. 256 p.

COMMON AND EXISTENTIAL IN THE LANGUAGE

Pilatova Valentina Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
pilatova_vn@mail.ru

The article is devoted to the problem of intuitive differentiation of common and existential content in the speech. The author describes the formal features to differentiate common and existential in the language – attitude towards time and space, universality parameter, transcendence principle. The paper concludes that existential is an open sacral mental abstraction and common is a closed profane mental abstraction. The researcher justifies the possibility to identify these speech units on the basis of cognitive features.

Key words and phrases: existential in language; common in language; mental component of linguistic representation; closed profane abstraction; explication of sacral content.